МИРОН СЕВЕРИН

ДЕЖУРНАЯ ПО ТЕМНОТЕ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Мирон Северин

Дежурная по темноте

«Автор»
2026

Северин М.

Дежурная по темноте / М. Северин — «Автор», 2026

Ледяной дождь оставляет Заводск без электричества. Диспетчер Кира Ратникова видит, как вместе со светом город теряет воду, связь и уверенность в завтрашнем дне. Управдом Олег пытается удержать от распада двадцатиэтажный дом. Медсестра Ася решает, кого больница сможет перевезти, пока работает резервное питание.Когда выясняется, что готовность одного из аварийных резервов была указана неверно, подпись Киры оказывается под старым отчётом. Теперь ей нужно сделать ошибку публичной и помочь людям принять решения, для которых нет честного обещания «скоро всё наладится».Первая книга цикла «Город на резерве»: реалистическая история о двух неделях темноты, ответственности и людях, которые учатся доверять друг другу заново. Основной конфликт этой части завершён; судьба восточных домов продолжится в следующей книге. 18+.

© Северин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Лёд на проводах 5
2. Лифт 8
3. Приёмный покой 11
4. Шесть минут связи 13
5. Чужой удлинитель 15
6. Не авария, а график 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Мирон Северин
Дежурная по темноте

1. Лёд на проводах

Кира заметила, что на мониторе погасла карта, прежде чем погас свет. На секунду улицы Заводска стали чёрными линиями на сером фоне. Потом исчез и фон. Три диспетчера одновременно подняли головы, как люди, услышавшие в другой комнате собственное имя.

За окном было ещё светло. Ледяной дождь шёл с утра, то усиливаясь, то переходя в мелкую, почти невидимую пыль. Козырёк над входом в службу оброс прозрачной кромкой, троллейбусные провода блестели так, будто их натёрли до праздника. Праздника в конце октября не было. Была обычная среда, когда все хотели скорее закончить смену.

— Сеть? — спросил Игорь с соседнего места.

— Сеть и питание, — ответила Кира.

Она перевела взгляд на настенные часы. Стрелка дёрнулась и остановилась на четырёх часах двенадцати минутах. Из коридора донёсся короткий удар: захлопнулась противопожарная дверь. Резервное освещение над выходом загорелось с запозданием. Старые серверы в углу ещё жужжали от батарей; их звук был ровным и жалким. Кира взяла бумажный журнал, который не открывали уже два месяца, и записала: «16:12. Потеря внешнего питания. Телефонная связь есть».

Последнее слово пришлось зачеркнуть почти сразу. Городская линия молчала. На мобильном было две палки, но вызов начальнику смены не прошёл. Игорь включил служебную рацию. Из неё вылетело столько голосов, что нельзя было разобрать ни одного.

— Не кричать, — сказала Кира.

Она сказала это слишком тихо, чтобы хоть кто-то послушался. Тогда нажала передачу и назвала свой позывной. В ответ кто-то потребовал сказать, когда дадут электричество, будто оно лежало у неё в столе.

Служба, где работала Кира, не управляла электросетями. Сюда стекались сообщения о воде, тепле, дорогах, котельных и домах, а люди, видя слово «диспетчерская» в справочнике, звонили обо всём. Двадцать лет назад эта привычка помогала: соседние службы слышали друг друга по проводной связи. Теперь каждый работал в собственной программе, а бумажные номера на стене выглядели музейной экспозицией. Кира знала, кому позвонить при прорыве теплотрассы. Она не знала, какой номер переживёт эту аварию.

Игорь нашёл в шкафу проводной аппарат с тяжёлой трубкой. Линия оперативного штаба ожила после третьей попытки. Связист сообщил два подтверждённых факта: питание потеряли несколько районов, подстанция на востоке отключена защитой. Причину не подтвердили. На вопрос о сроке он ответил, что сроки назовут после осмотра.

— Значит, пока вообще не называем, — сказала Кира, когда положила трубку.

Игорь посмотрел на телефон, словно хотел спросить у него разрешения не соглашаться.

— Люди требуют хоть чего-нибудь.

— «Не знаем» — тоже что-нибудь.

Кира услышала себя и вспомнила, сколько раз злилась на эту фразу, когда её произносили другие.

На батарейном экране открылось сообщение от насосной станции: «Давление снижается. Резерв автоматики не принял нагрузку. Проверяем». Она записала время и район. Через минуту пришло второе: «Котельная № 4 остановлена. Ожидаем бригаду». Потом экран погас

окончательно. Игорь осторожно постучал по корпусу, как по плечу человека, который уснул в неподходящем месте.

Кира достала из ящика карандаши. Красным она обвела на бумажной карте насосную, синим — больницу. Почему больницу синим, она не знала. Вероятно, чтобы не рисовать всё одним цветом. Уже через пять минут карта покрылась кружками, стрелками и вопросительными знаками. Отсутствие ответа стало самым частым обозначением.

В дверь вошла Зоя из соседнего отдела. На ней был пуховик поверх офисной блузки.

— В лифтах люди, — сказала она. — «Берёзовый», два корпуса. Управдом нашёл номер нашей службы.

— Пожарные знают?

— Он дозвонился до них. Просит сказать, когда вернётся питание.

— Не знаем.

Зоя кивнула, но не ушла.

— Он сказал, там ребёнок.

Кира закрыла журнал ладонью. У ребёнка в лифте не было отдельной линии электропередачи. Это был тупой, бессердечный факт, и оттого ещё труднее было произнести его вслух.

— Передайте, чтобы не пытались открывать кабину сами. Спасатели едут. Если нужен разговор с ребёнком, пусть говорят через дверь. И запишите номер управдома на бумаге.

Зоя ушла. Кира посмотрела на телефон. Лена должна была ехать домой из художественной школы на автобусе. Последнее её сообщение, полчаса назад: фотография мокрого рисунка и подпись «это твой портрет, не спорь». На рисунке женщина с четырьмя руками держала одновременно зонтик, кружку, телефон и огромную лампочку. Кира успела написать только «похожа».

Она набрала дочь. Вызов не прошёл. Ещё раз — тишина. Третий раз она не стала пробовать. На большой карте автобусный маршрут Лены пересекал три района, отмеченных красным. Девочка была семнадцати лет, знала город и ненавидела, когда мать называла её девочкой. Всё это мало помогало, пока экран телефона не показывал ответа.

Из коридора послышался шум. К ним поднялись двое из администрации — мужчина в пальто и девушка с папкой. Мужчина спросил, готова ли сводка для главы города. Кира показала карту.

— Это черновик, — сказал он.

— Событие началось двадцать минут назад.

— Нужна цифра: сколько домов без света.

— Электрики ещё не дали границы. Если назову цифру сейчас, через час она будет вдвое больше или меньше.

— Вы понимаете, что глава должен выступить?

— Да. Поэтому ему нужны слова «уточняем границы».

Мужчина нахмурился. Девушка за его плечом записала фразу дословно. Кира успела увидеть на обложке папки надпись «Готовность к осенне-зимнему периоду». У неё в памяти всплыл другой лист с таким же заголовком — тот, который она подписала в сентябре. Там у четырёх районных резервов стояла отметка «проверено». Проверяла не она. Её подпись означала, что сведения собраны. Но если один из этих резервов не принял нагрузку, разницы между «собрала» и «проверила» никто искать не станет.

— Что у нас с аварийным запасом топлива? — спросила она Зою, когда гости ушли.

— В отчёте — на семьдесят два часа.

— Я спрашиваю, что у нас.

Зоя посмотрела на неё внимательнее. В комнате было холоднее, чем десять минут назад, хотя отопление ещё работало.

— Позвоню на склад, — сказала она.

На улице автобус остановился прямо посреди перекрёстка. Водитель вышел, посмотрел на погасший светофор и начал махать руками машинам, которых не мог заставить слушаться. Один водитель посигналил. Другой открыл окно и выкрикнул что-то такое, что Кира прочитала по губам, даже через стекло.

В журнале она написала: «16:37. Срок восстановления неизвестен». Потом перевернула страницу. Ей понадобилось чистое место для списка людей, с которыми ещё можно было связаться.

2. Лифт

Олег услышал первый удар из шахты, когда поднимался по лестнице с пакетом хлеба. В доме было двадцать этажей, и люди обычно замечали лестницу только по запаху краски на перилах. Теперь она наполнилась шагами. На пятой площадке стояла женщина в домашних тапочках, прижимая телефон к уху. На восьмой двое подростков светили фонариками в темноту и хохотали так громко, как хохочут от страха.

— Где застряли? — спросил Олег.

— Между одиннадцатым и двенадцатым, — сказала женщина. — Там мой сын. И ещё двое.

Её звали Марина, он знал её по квитанциям и редким жалобам на воду. Сына звали Витя, лет девяти. Олег не знал, с кем он ехал. Телефон Марины показывал «нет сети» и продолжал светиться, словно это была полезная работа.

— Лифтовые и спасатели вызваны, — сказал он. — Пойдём к шахте. Будем с ними разговаривать.

— Надо открыть двери. У меня муж умеет.

— Не надо. Если кабина стоит не вровень с этажом, можно сделать хуже.

Он произнёс это спокойным голосом, хотя ему хотелось выматериться. Муж Марины уже стоял у дверей на одиннадцатом этаже с отвёрткой. Олег забрал инструмент не потому, что имел право, а потому, что мужчина в этот миг держал его слишком крепко.

— Ребята, вы меня слышите? — крикнул Олег сквозь дверь.

Ответ пришёл не сразу. Потом тонкий голос сказал:

— Мы стоим.

— Правильно. Как вас зовут?

— Витя.

Остальные двое оказались подростком Кириллом и пожилой женщиной, которая не стала называть имя. Она попросила только перестать дёргать дверь: от толчков кабина дрожала. Олег посмотрел на отца Вити. Тот отвернулся и убрал руку в карман.

— Вы внутри ничего не трогайте, — сказал Олег. — Помощь уже вызвали. Мы здесь.

— А свет когда дадут? — спросил Кирилл.

— Не знаю.

Из кабины послышался короткий смех, совсем не весёлый.

Олег спустился на первый этаж за журналом аварийных заявок. Его жена Полина говорила, что он любит журналы больше людей: с людьми невозможно поставить подпись о том, что разговор окончен. Она говорила это без злобы. Ушла от него тоже без злобы, что оказалось неприятнее. Теперь он жил на шестнадцатом, работал управляющим двумя корпусами и знал, у кого в квартире течёт кран, но с трудом вспоминал, в каком городе живёт Полина.

У подъезда мокрая толпа смотрела на чёрные окна. Кто-то сообщил, что вся область обесточена. Кто-то уточнил: вся страна. Пожилой мужчина в зелёной куртке требовал открыть технический этаж и запустить запасной генератор.

— У нас нет генератора для дома, — сказал Олег.

— В рекламе был.

— Был генератор для пожарной автоматики, и он не для квартир. Я покажу договор, когда будет свет.

— Очень вовремя, блядь, покажешь, — сказал мужчина.

Олег хотел возразить, но тот был прав в главном: сейчас договор нельзя было прочитать, а его словам верили меньше, чем бумаге, которую не видели. Он вытащил из сумки ключи, открыл шкаф в холле и достал толстую папку с планами дома. Положил её на подоконник.

— Вот. Можете смотреть при свете телефона. Только не выносите.

Мужчина не подошёл. Вместо него подошла Нина Белая, жившая на четырнадцатом. Она ходила с тростью и относилась к обещаниям Олега как к задачам на доказательство.

— Лифтовики будут? — спросила она.

— Будут. Я дозвонился.

— Время записал?

— Шестнадцать двадцать четыре.

— Тогда напиши здесь. И когда они приедут — тоже.

Она указала тростью на чистый лист у охранного поста. Олег приклеил его бумажным скотчем к стеклу. Нина продиктовала крупные слова: «Подтверждено», «Не подтверждено», «Кому нужна помощь». Под последним заголовком Олег не написал ни одной фамилии. Люди смотрели.

— Я могу дать свою, — сказала Нина. — Четырнадцатый, сорок восемь. По лестнице спускаюсь медленно. Не тащить меня никуда без спроса.

Сразу после неё записались двое: мужчина после операции на колене и мать младенца. Никто не спросил, какие у них болезни. Олег ощутил облегчение от того, что не должен был превращать подъезд в медицинскую анкету.

Через полчаса приехали специалисты по лифту вместе со спасателями. Они вошли без торжественности, с фонарями и короткими вопросами. Олег показал им этаж, время остановки и число людей. Марина зажала рот ладонью. Пока работали, он стоял рядом, но не мешал. Витя вышел первым, сердитый от того, что все на него смотрели. Потом вышли Кирилл и женщина. Её звали Раиса Петровна; она взяла у Марины бутылку воды и сказала, что больше никогда не будет ругать медленные лифты.

Когда толпа разошлась, в подъезде остался запах мокрой одежды и горячего металла от фонарей. Олег поднялся в диспетчерскую комнату дома. На экране охраны ещё светились три камеры. Батарея показывала двадцать один процент. Он выписал номера телефонов на бумагу и выключил монитор. Нельзя было сохранить всё; нужно было понять, что пригодится позже.

С девятого этажа позвонили по внутреннему переговорному устройству — оно работало от отдельного блока. Женщина спросила, почему вода идёт тонкой струёй. Олег открыл кран в своей комнате. Вода шла. Он представил верхние этажи, насос и бак, о котором жильцы спорили каждый год на собраниях. В рекламе дома писали «автономная система водоснабжения», но автономной была только возможность несколько часов держать давление при некоторых авариях. Олег знал это. Никогда не говорил жильцам так прямо, пока не приходилось.

— Давление падает, — сказал он. — Запас зависит от расхода. Я уточняю на насосной. Пока набирайте воду в чистую закрывающуюся тару, сколько нужно для ближайших часов, без общей гонки.

— Сколько это «сколько»?

Он не знал. Честный ответ мог вызвать панику. Выдуманный — тоже.

— Для питья пока пользуйтесь тем, что было запасено. О состоянии воды сообщу отдельно. На двери повешу запись, когда получу её от службы.

Олег положил трубку. С улицы донёсся звук работающего двигателя. У соседнего корпуса кто-то поставил маленький генератор под козырьком, почти у открытого окна. К нему тянулись провода. Олег схватил куртку и побежал вниз, забыв про больное колено.

На площадке между восьмым и седьмым он встретил Нину. Она медленно поднималась с сумкой.

— Куда это вы? — спросила она.

— Наружу. Там идиоты с мотором.

— Тогда подержите дверь. И не геройствуйте. Идиотам нужен понятный довод, а не ещё один идиот.

Олег придержал ей дверь и спустился. Пока он выходил на улицу, в доме за его спиной кто-то зажёг свечу. В окне первого этажа возникла маленькая точка, похожая на обещание, которое никто не успел проверить.

3. Приёмный покой

В больнице свет исчез не сразу. Сначала погасла рекламная панель над автоматом с кофе. Потом Ася услышала, как поменялся звук вентиляции: ровный гул стал ниже, словно здание вздохнуло и задержало воздух. Через несколько секунд загорелись аварийные лампы. Двери приёмного отделения продолжали открываться, но делали это с усилием.

— Это учения? — спросил мужчина с перевязанной рукой.

— Нет, — сказала Ася.

Она не хотела объяснять больше, чем знала. У мужчины была рана от разбитого стекла; кровь уже остановили, он ждал снимка. В коридоре сидели ещё семь человек, которым помогали до отключения. Через пять минут их стало двенадцать. На улицах перестали работать светофоры, и две машины столкнулись у рынка. Пострадавших привезли отдельно, без сирены: один экипаж скорой застрял за троллейбусом.

Старшая медсестра Тамара Петровна подошла к Асе с блокнотом.

— Пишем всё вручную. Фамилия, время, куда направили. Не надеемся, что программа вернётся раньше людей.

— Генератор поднялся?

— Поднялся. Пока держит критические контуры. Хирургическая и реанимация у себя. Лифт для перевозки больных — по разрешению техника.

Слова «пока держит» Ася слышала за годы работы сотни раз. Они означали не опасность, а срок, который никто не назвал. Она попросила одного из санитаров найти фонарь, другой санитар принёс коробку бумажных браслетов для пациентов. На каждом ставили время поступления и имя. При свете аварийных ламп чернила выглядели почти синими.

В дверях появилась женщина с коляской. В коляске лежал небольшой аппарат, от него тянулась трубка к пожилому мужчине. Женщина сказала, что дома пропало питание, а переносная батарея почти разрядилась. Ася позвала дежурного врача. До его прихода она нашла свободное место в коридоре, подключённое к защищённой линии, и попросила техника проверить розетку. Женщина благодарила её слишком рано; Ася не ответила.

За стеклом дождь стал жёстче. Он стучал по крыше перехода между корпусами, будто кто-то рассыпал мелкие камни. Врач, Андрей Сергеевич, вышел из операционной и сразу начал считать: сколько пациентов нужно перевести, кого можно оставить на наблюдении, какие исследования отложить. Ася передала ему список.

— У вас тут три человека с травмами после аварии, — сказал он.

— Четыре. Одного привезли сейчас.

— Где?

— На каталке у второго входа. Пытаются поднять по пандусу. Его сопровождающая не может отпустить дверь.

Андрей Сергеевич выругался и пошёл помогать. Он ругался редко, зато точно. Ася отметила нового пациента в журнале, оставив место для диагноза. Не всё можно было заполнять со слов человека, который только что выбрался из разбитой машины.

К шести часам в больнице начали считать топливо. Два резервных агрегата обслуживали критические нагрузки; никто не обещал, что они способны питать всё здание. Механик принёс лист с объёмами, начальник хозяйственной части попросил никому его не показывать, пока цифры не сверят. Тамара Петровна молча переписала главное в свой блокнот. Она работала здесь тридцать лет и знала: копия не увеличит запас, зато не даст ему исчезнуть из разговора.

— Один из корпусов надо освобождать, — сказал врач на коротком совещании. — Пока ещё есть транспорт и свет на дороге. В соседнем районе больница работает.

— У нас нет подтверждения, что они примут, — ответил начальник отделения.

— Значит, получайте.

Они говорили сухо, без ссоры, как люди, которым некогда любить друг друга. Ася стояла у двери и думала о женщине с аппаратом. При необходимости его тоже придётся куда-то везти. Она представляла лицо дочери или жены, которая спросит: «Зачем, если здесь розетка работает?» Ответ «потому что завтра может не работать» будет звучать как догадка. Догадка была обоснованной, но не становилась от этого мягче.

К вечеру пришли двое мужчин из городской администрации. Один держал папку, другой — телефон с разряженным экраном. Они попросили данные о свободных местах для временного пункта обогрева. Главный врач ответил, что больница сама нуждается в разгрузке. Мужчина с папкой записал «нет возможности». Ася увидела, как эта короткая фраза поглощает целый коридор людей, которых нельзя было оставить на улице.

— Мы не можем открыть палаты всем, — сказал главврач, заметив её взгляд.

— Я понимаю.

— Тогда не смотрите так.

— Как?

— Как будто это я выключил город.

Она хотела сказать, что смотрит на него так, потому что он может отдать распоряжение. Но распоряжение не создаст места, электричество и врачей. Она промолчала и вернулась к пациентам.

У мужчины с перевязанной рукой снимок так и не сделали. Его осмотрели повторно, объяснили, на что обратить внимание, и отправили домой. Он спросил, нельзя ли подождать до утра прямо здесь. Ася предложила ему место в холле, но предупредила, что оно понадобится следующему привезённому. Мужчина кивнул. У двери он обернулся.

— Я живу один. Если дома будет хуже, до вас ведь не дозвонишься.

У Аси не было хорошего ответа. Она выписала на бумаге адрес ближайшего работающего пункта помощи и попросила показать его соседям. Это было мало. Она знала. Но лист был настоящим, а обещание связи — нет.

В половине девятого коридор на мгновение потемнел полностью. Резервное освещение вернулось через несколько секунд. Ася услышала, как почти все люди одновременно перестали говорить. Ненадолго в больнице стало тихо, как в комнате, где кто-то ждёт, не закончилась ли музыка навсегда.

Тамара Петровна вышла из технической двери.

— Переключали нагрузку. Всё под контролем.

— Как долго? — спросила женщина с коляской.

Тамара Петровна посмотрела на Асю, потом на женщину.

— Сейчас — под контролем, — сказала она. — Завтра будем решать завтра. Ночью я здесь.

Женщина кивнула. Впервые за вечер она перестала смотреть на индикатор батареи.

4. Шесть минут связи

Лена узнала об аварии по тишине в автобусе. Обычно люди листали телефоны, и салон звучал короткими видео, звонками, раздражёнными голосами. Теперь почти все смотрели в окна. Автобус стоял перед перекрёстком, где светофор показывал сразу ничего. Водитель спорил с человеком в дорожном жилете; оба махали руками в разные стороны.

Лена сидела у задней двери с тубусом для рисунков. Её последняя работа намокла, пока она бежала от школы до остановки. Она уже отправила матери фотографию и получила одно слово — «похожа». Мать всегда отвечала коротко, если работала. Лена знала, что вечером та спросит, почему на портрете у неё четыре руки, и улыбнётся так, будто у всех нормальных матерей их меньше.

Телефон показал девятнадцать процентов. Лена отправила сообщение: «Застряла у Дома связи. Пойду пешком, если не поедем». Галочка не появилась. Она достала из рюкзака маленький блокнот и записала время, хотя никто не просил. Дочь диспетчера иногда наследует не профессию, а дурную привычку фиксировать события.

Водитель вернулся, открыл двери и сказал, что маршрут продолжится, когда разрешат движение. Люди начали выходить. Женщина с сумками спросила, где ближайший работающий банкомат. Водитель ответил, что не знает. Она выругалась на него, на город и на холод. Лена вышла вслед за ней.

На улице ещё не было темно, но город уже казался нарисованным без одного слоя краски. Не горели витрины. Вывески остались, а слова исчезли. Троллейбус стоял у обочины с поднятыми штангами, как насекомое, которое внезапно забыло, зачем нужны усики. Лена решила идти по широкой улице до библиотеки, затем свернуть к дому. Полчаса, если не скользить.

У входа в библиотеку собрались люди. Там работал старый проводной телефон, и сотрудница принимала короткие сообщения для тех, кто мог зайти позже. На стекле уже висели три листа: «Ирина, я в аптеке», «Костя, забери маму», «Школа № 14: дети остаются с учителями до прихода родителей». Лена прочла последний дважды. В художественной школе занятия закончились, но где сейчас её преподавательница, она не знала.

— Можно оставить записку? — спросила она.

— Пиши крупно, — сказала библиотекарь. — Кому и где ждать. Номер телефона тоже можешь, но они сейчас редко помогают.

Лена написала: «Кира Ратникова, я иду домой от библиотеки. Лена. 17:28». Библиотекарь приклеила лист рядом с остальными. Сообщение на стекле выглядело слишком публичным: любой мог узнать, что девочка идёт одна. Лена почти попросила снять его, но подумала, что мать ходит через это место по дороге со смены. Когда свет вернётся, записку можно будет выбросить. Пока она была единственным рабочим способом сказать правду.

На углу она встретила Мишу из параллельного класса. Он нёс пакет с тремя буханками и шутил, что открыл торговлю. Лена спросила, где он взял хлеб. Он указал на магазин возле рынка.

— Кассы умерли. Продавщица принимает наличные, записывает цены. Меня попросили отнести соседям.

— У тебя наличные были?

— У соседки были. Я только ноги.

Они пошли вместе. Миша пытался угадать причину отключения: ледяной дождь, пожар на станции, кибератака, «конец света без спецэффектов». Лена не спорила. За десять минут он перечислил столько версий, что одна наверняка совпала бы с правдой случайно. Это не делало его осведомлённым.

У школы № 14 родителям выдавали детей по бумажному списку. Одна женщина так сильно сжимала рюкзак сына, что мальчик просил дать ему самому нести вещи. Лена остановилась и прочла объявление: «Информация о пунктах обогрева будет размещена здесь после подтверждения». Внизу мелко добавили: «Не распространяйте неподтверждённые сведения».

— Где подтверждать? — спросил Миша.

— Не знаю.

— Вот и никто не знает. Хочешь, сниму видео?

— Кому покажешь? Сеть еле дышит.

На перекрёстке телефон Лены вдруг поймал сигнал. Сразу пришли шесть сообщений: две рекламы, два сообщения школьного чата, фотография от подруги и одно от матери. «Где ты?» — было отправлено сорок минут назад. Лена быстро набрала адрес и нажала отправить. Сообщение ушло. Она позвонила, услышала гудок, потом голос Киры.

— Лена? Где ты?

— На Коммунальной. Иду домой. Со мной Миша.

— Идите по проспекту, там движение регулируют. Не срезайте через дворы. Дома будет Олег из управляющей компании, если я задержусь.

— Он вообще знает, что я существую?

— Знает. Я позвоню ему.

— Мам, у нас на школе объявление про пункты обогрева. Это правда?

— Пока не подтверждено. Ты дойди домой. Напиши на бумаге, если связь пропадёт, где ты. И...

Голос исчез. Экран остался светиться ещё секунду, потом снова показал пустую шкалу сети. Лена держала телефон возле уха, хотя знала, что разговор закончился. Шесть минут связи. Достаточно, чтобы мать успела дать три приказа и не успела спросить, страшно ли ей.

Миша поинтересовался, кем работает Кира. Лена сказала: «Там, куда сейчас все звонят». Это прозвучало гордо. Она тут же пожалела. Если все звонят туда, мать придёт поздно.

К дому они дошли после сумерек. В окнах «Берёзового» горели фонарики и один-два огня свечей. Люди на первом этаже обступили лист, приклеенный к стеклу. Миша отдал хлеб своей соседке, Лена прочла список и увидела новую строчку: «Для Киры Ратниковой: Лена ещё не приходила. Олег». Она взяла карандаш на верёвке и дописала ниже: «Лена пришла. 18:41».

Пока она писала, Олег появился из соседнего корпуса с мокрым воротником и лицом человека, которому за день слишком часто пришлось говорить «не знаю».

— Ты Лена? — спросил он.

— Да. Мама сказала, вы должны быть дома.

— Она сказала, что я проверю, дошла ли ты. Про дом она преувеличила.

Лена впервые за вечер рассмеялась. Олег тоже улыбнулся, но сразу повернулся к двери: кто-то снова звал его из подъезда. В списке на стекле она заметила ещё одну графу — «Нужна помощь». Рядом стояли три квартиры. Их номера были выше десятого этажа.

Лена подняла тубус на плечо. Рисунок высох и пошёл волнами. Она подумала, что завтра сможет сделать новый, если будет свет. Потом вспомнила, что рисовать можно и при дневном свете. Это была маленькая, почти стыдная радость в дне, где столько людей ждали вещей гораздо важнее бумаги.

5. Чужой удлинитель

Мотор у соседнего корпуса работал под козырьком входа. Маленький красный генератор стоял на мокрой плитке, и от него через приоткрытую дверь тянулся кабель. Над дверью была вентиляционная решётка, рядом — открытое окно квартиры охранника. Олег увидел их все сразу и почувствовал неприятную ясность: ошибка уже сделана, а спор ещё только начинается.

Рядом стоял незнакомый мужчина в дорогом плаще. Он смотрел, как электрик из жильцов раскладывает провод вдоль стены.

— Выключайте, — сказал Олег.

Мужчина повернулся не сразу.

— Это моё оборудование. Я подключаю холодильник в магазине. Там лекарства.

Магазин на первом этаже действительно продавал лекарства, детские смеси и всякую мелочь. Отдельной аптеки в корпусе не было. Олег не знал, что именно лежит в холодильнике и насколько оно нуждалось в холоде. Он знал другое.

— Здесь выхлоп идёт к окну и в подъезд. Уберите агрегат от здания и не ведите кабель через общую дверь. Я вызвал аварийную службу, пусть посмотрят безопасное место.

— Пока они приедут, всё испортится.

— А пока они приедут, кто-то может отравиться. Выключайте.

Электрик уже поднялся. Он смотрел в землю, как человек, который понимал проблему раньше хозяина генератора и продолжал работать. Мужчина в плаще назвал Олега бюрократом. Потом сказал, что тот будет отвечать за каждую упаковку, которую придётся выбросить.

— Запишите на меня, — сказал Олег. — Но мотор выключите.

Жилец-электрик выключил его. Тишина возникла резко, и стало слышно, как по водостоку течёт ледяная вода. Мужчина в плаще достал телефон, снял Олега и объявил, что выложит видео. Олег хотел спросить, куда именно, если мобильная сеть почти не работала, но не стал. Видео могло отправиться позже; последствия любого слова тоже.

Из подъезда вышла женщина с ребёнком на руках. Она сказала, что в коридоре пахнет бензином. Олег попросил её отойти на улицу и позвал охранника. Внутри никто не лежал без сознания; это не означало, что всё было безопасно. Приехавшие пожарные осмотрели место, проветрили помещения и объяснили владельцу генератора, что переносить и использовать устройство можно только по правилам, снаружи и вдали от окон и дверей. Олег не пересказывал их технические указания жильцам. На листе у входа он написал только итог: «Двигатели и горелки внутри дома и у открытых окон запрещены. При запахе выхлопа сообщить охране и выйти из помещения».

— А с лекарствами что? — спросила Нина, когда он вернулся.

— Проверим, что там, — сказал Олег. — Если действительно нужен холод, узнаем у больницы или работающего пункта. Сам холодильник к дому не важнее людей.

Нина прочла запись и кивнула.

— Хорошо. Только слово «запрещены» не заменяет место, где можно помочь человеку. Иди в магазин, узнай, что там лежит.

Олег пошёл. В холодильнике оказались напитки, несколько упаковок препаратов и продукты для кафе того же владельца. Ни один из них нельзя было просто назвать «лекарствами» и перенести без согласования. Хозяин показал накладные и сказал, что потеряет деньги. Олег не стал спорить с этим. Потеря денег была настоящей; угроза людям — тоже. Они составили список того, что требовало проверки условий хранения, и отправили его с курьером в больницу, где ещё работала связь с аптечной службой. Хозяин магазина подписал лист, хотя назвал его «ебучей бумажкой».

— Бумажка не охладит холодильник, — сказал он.

— Нет. Она поможет решить, что спасать и куда везти, — ответил Олег.

На первом этаже «Берёзового» Лена раздавала соседям обрезки картона. На каждом был написан номер подъезда и время последней проверки. Олег не понял, кто её попросил. Она сказала, что никто: просто люди приходили и снова спрашивали то, что уже висело на двери.

— Ты мать видела? — спросил он.

— Только слышала. Шесть минут.

— Это больше, чем у многих.

Лена посмотрела на него строго.

— Вы это скажете женщине с четырнадцатого, которая не может дозвониться сыну?

— Не скажу.

Она прикрепила ещё одну карточку. Вчера он назвал бы это самодеятельностью, которая мешает управлению. Теперь карточки были точнее его объявлений: на них стояло время. Он предложил Лене дать ей ключ от кладовой с канцелярией и фонарями. Она отказалась от ключа, но попросила пачку бумаги и два толстых маркера.

Вечером в корпусе Б пропала вода выше седьмого этажа. Олег прошёл по нескольким квартирам, убедился, что картина повторяется, и написал в службу водоснабжения. Ответа не было. Он не стал объявлять воду «закончившейся» — внизу она ещё шла, у соседей в корпусе А давление оставалось. Но именно эти различия делали людей подозрительными. Если у тебя в кране пусто, чужая струя кажется украденной.

У девятого этажа его остановил мужчина в серой футболке.

— Я видел, как вы с дружком Лены таскали коробки. Там вода?

— Бумага и фонари.

— Покажи.

Олег почувствовал, как внутри поднимается злость. Ему хотелось сказать, что он не обязан открывать перед каждым собственные руки. Вместо этого он спустился с мужчиной в кладовую, открыл дверь и показал коробки. Там действительно были бумага, маркеры, батарейки и две сломанные лампы.

— Доволен? — спросил он.

Мужчина посмотрел на пустую полку.

— Нет. Воды-то нет.

Олег закрыл кладовую. Разговор, который начинался как обвинение, закончился фактом, с которым оба ничего не могли сделать. Он написал на общем листе: «В корпусе Б, этажи 8–20: вода не поступает. Причина уточняется. Питьевой запас не обещан». Слово «не обещан» он перечитал дважды. Оно выглядело жестоко. Он всё-таки оставил его.

6. Не авария, а график

К полуночи Кира перестала смотреть на настенные часы. Они по-прежнему стояли на четырёх двенадцати, и каждый взгляд на них делал день короче, чем он был. Она проверяла время на механических часах Игоря, который каждые полчаса протягивал руку через стол, как человек, сдающий кровь на анализ.

Оперативный штаб разместили в актовом зале администрации. Там работало аварийное освещение и один телефон, вокруг которого стояла очередь из людей с должностями. Кира пришла с бумажной картой и тремя списками: подтверждённые отключения, сообщения без проверки и объекты, которым нужен обратный звонок. На её карте не было красивой единой чёрной области. Где-то свет вернулся на пятнадцать минут, где-то не пропадал вовсе; одну улицу питала линия соседнего района. Телевизионная фраза «город погрузился во тьму» была удобной и неверной.

Савин, глава администрации, стоял у окна с чашкой холодного чая. Он спросил, когда поднимется насосная станция. Кира назвала то, что знала: питание на основном вводе отсутствует, резерв не принял полную нагрузку, бригада обследует оборудование. Срока не было.

— Я должен дать людям план, — сказал Савин.

— Тогда дайте план проверки и сообщений. Не время включения.

— Ваша профессия позволяет говорить «не знаем». Моя — нет.

— Моя профессия потом заставляет отвечать на звонки тех, кто поверил времени, которого не было.

Они разговаривали тихо. Люди в зале делали вид, что заняты своими листами. Савин не был глуп и не хотел лгать. Он хотел удержать город от движения без направления, а для этого ему казалось нужным назвать хотя бы ближайшую точку. Кира тоже хотела точку, но знала цену случайной цифре.

Начальник электросетевого района сообщил первые проверенные сведения. После обледенения были повреждены несколько воздушных линий. На восточном узле защитой отключило часть оборудования; бригада проверяла причину и состояние соседних элементов. Подать питание на все районы одновременно было нельзя, даже если появится возможность: сначала требовалось убедиться, что линии безопасны и нагрузка выдержит запуск. Кира записала каждое «если».

— Можно сказать «поэтапно»? — спросил Савин.

— Нужно, — ответил инженер. — Но не называйте очередь без нас. Сегодня она поменяется ещё несколько раз.

Заведующий хозяйством больницы рассказал о резервном питании. Больница не просила электричество для телевизоров и общего света. Ей нужны были топливо, транспорт и подтверждение, что соседний район готов принять тех, кого можно перевозить. Савин поручил организовать связь. Чиновник рядом с ним записал «решено», хотя ещё не было ни транспорта, ни согласия соседей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.